

Все мысли о смерти нужны для жизни.
Л. Н. Толстой

Глава 1

Все началось после Нового года. Прямо первого января. Но я узнала об этом лишь третьего, когда мы с родителями вернулись из дома отдыха.

Все праздники мы проводим в компании шумных родительских друзей. Так повелось с самого детства, но я все равно никак не могу привыкнуть.

Каждый раз чувствую себя не в своей тарелке, особенно когда они начинают приставать с расспросами: о школе, друзьях и парнях, о том, что я думаю и чувствую. Почему не болтаю с ними, не танцую и отчего «такая напряженная».

Мне не нравится рассказывать о себе не только из-за того, что я не такая открытая, как мама и папа, но еще и потому, что эти люди постоянно забывают, что спрашивали о том же самом на прошлой встрече.

Дети вообще мало кого интересуют, а подростки и подавно. Ведь, как сказала тетя Наташа: «Какие у вас могут быть проблемы? Живите себе и радуйтесь». Действительно, нам не нужно заключать договоры, брать кредиты, искать заказчиков, согласовывать проекты, оплачивать счета, а значит, и проблем вроде нет.

На этот раз им представилась отличная возможность посмеяться над цветом моих волос. Киноварь, рубин или гранат? Пришлось сказать, что мои волосы тупо красные, и уйти играть в бильярд. Я всегда в таких случаях уходила играть, у бильярдного стола было спокойно, никто не доставал, и я часто выигрывала.

Позже мама все равно сделала мне выговор, что так разговаривать невежливо, а я ответила, что невежливо судить всех по себе, и два оставшихся дня мы с ней почти не разговаривали.

Пока ехали из дома отдыха, я всю дорогу глазела в окно, сквозь снежную мглу, и думала о том, как было бы здорово навсегда затеряться в этом снегу, где-то по дороге, среди немых белых полей, за пустым безликим горизонтом, самой по себе, здесь и нигде. Превратиться в легкое облако и плыть над землей, ни с кем не разговаривая, ничего из себя не изображая, ни о чем не думая и не беспокоясь. От этой глупой фантазии мне на миг стало удивительно легко и спокойно. Возможно, то было предчувствие или ожидание, а может, и то и другое.

Но, когда мы вошли в квартиру, скинули сумки и разошлись по комнатам, неясное и волнительное чувство освобождения мигом исчезло, а на его место вернулась привычная повседневная тяжесть. Тупая и тянущая, словно к сердцу привязали камень.

Первым делом, открыв компьютер, я стала удалять из почты штампованные поздравления с Новым годом и, когда наткнулась на письмо Кристины Ворожцовой из девятого класса, почти отправила его в корзину. Однако раньше Кристина мне не писала, а в теме ее письма ничего не говорилось про Новый год. Там было просто: «Для Тони», будто на мою почту могли приходиться письма для кого-то другого.

Само же письмо звучало так: «Привет, Тоня! И пока, Тоня! Уверена, ты меня поймешь. С любовью, Кристина». И чуть ниже — гиперссылка на Ютуб. Подобное заявление сразу показалось подозрительным. С чего бы Ворожцовой меня любить?

Комп немного побуксовал, подумал, но все же открыл видеоролик.

На экране — Кристина с длинными черными распущенными волосами и в белой ночнушке. Ни дать ни взять девочка-призрак из фильма «Звонок». Позади нее стена, увешанная плакатами разных актеров и групп: кое-где на стыках между ними едва различимо проступали светлые обои в мелкий цветочек.

В последнее время Кристина сильно изменилась. Когда-то она выглядела как типичная отличница, вся такая прилежная и аккуратненькая, с косичкой до попы, в плиссированной юбке ниже колен и черных блестящих туфлях-лодочках. Но потом ее будто подменили.

Как-то раз я обедала в столовой, и тут вошла она. В черном длинном платье, глаза подведены черными стрелками, даже ногти на руках черные, а волосы зачесаны наверх и уложены в пучок. Допотопно и по меньшей мере странно. Сначала я подумала, что это репетиция спектакля, но, когда через пару дней перед первым уроком наткнулась на нее в раздевалке, поняла, что теперь она всегда так ходит.

В этом ролике ее лицо было очень бледным, а взгляд опущен на листок, по которому она, едва шевеля губами, читала:

«Помочь никто не может. Вчера — не вернешь, сегодня — кажется мало, завтра — не наступит никогда.

Мы все одиноки на пути бесконечных страданий, а мои слова — бессмысленный пустой звук в яростно ревушем гуле одиноких голосов. Каждый хочет высказаться, но никто никого не слышит, не видит, не чувствует.

Никто никому не нужен. Выживает лишь тот, кто придерживается законов эгоизма, подлости и силы. Дружба ничего не стоит, а смерть сильнее любви.

Возможно, у меня был шанс, но несколько обычных людей, моих ровесников, которые ходят с вами по одной улице

и дышат одним воздухом, наглядно показали мне, как я слаба и незащищена перед этим варварским, жестоким миром. И я бы очень хотела, чтобы их знали в лицо».

Кристина вытащила листок А4 и показала его в камеру. Это была распечатанная фотография.

— Даня Марков. — Она сама еще раз взглянула на листок, словно не была уверена, что это он.

Марков! Мой ботанический одноклассник. Что он ей сделал?

Ворожцова отшвырнула лист с физиономией Маркова и достала другой портрет:

— Егор Петров.

Этого я тоже знала. Из одиннадцатого. Типа видеоблогер, а на самом деле просто человек-камера.

— Настя Сёмина.

Настя-бэшка. Тишайшее и бледнейшее создание, еще более замороченное, чем сама Кристина.

— Саша Якушин.

А этот что здесь делает? Я посмотрела на фотографию и сначала не узнала Якушина: он подстригся и стал еще лучше. Моя бывшая безответная любовь.

Якушин неожиданно ушел из школы в прошлом году, прямо из одиннадцатого класса, и с тех пор я его не видела. Он не из тех, кто выкладывает свои фотки в ВК. Но при чем тут Кристина?

— Влад Герасимов.

Герасимов? Еще один мой одноклассник. Тормоз и грубиян. Ему вообще ни до кого дела нет.

— Тоня Осеева.

Что? Какого черта?! Я увидела свою физиономию на фотке и обалдела. Как такое возможно? Я всегда нормально относилась к Ворожцовой, не лучше и не хуже, чем к остальным. Какая-то дурацкая шутка, новогодний прикол. Но разве таким шутят?

Кристина показала еще одну фотографию. Незнакомый светленький парень — Костя Амелин.

Выбросив из рук последний лист, она сказала: «Именно они стали причиной...» — и, не договорив, осеклась. С трудом изобразила улыбку и отключила камеру. Ни слова о розыгрыше, ни намек на шутку.

Я быстро отставила остывший чай и посмотрела на дату письма — первое января. Два дня назад. Хорошо бы позвонить этой дуре и высказать все, что я о ней думаю. Но где взять ее телефон? Впрочем, можно и через соцсети. Кого я из девятого знаю? Смирнову, Зайцеву, Ким.

По запросу «Кристина» Ворожцовой не нашлось, а у каждой из этих девчонок по двести—триста друзей. Поди разбери, под каким ником она живет в Сети.

Внезапно дверь в комнату открылась и, как всегда то-ропливо, вошла мама, уже вся разодетая и надушенная:

— Мы с папой уезжаем. Видимо, допоздна. По делам.

Я машинально прикрыла крышку ноута. Хотя ни мама, ни папа никогда не пытались в него заглянуть. Им совершенно не до того, у них всегда «по делам».

— Светик, мы сейчас опоздаем, — крикнул из коридора папа, и она, махнув рукой, выскочила из комнаты.

Родители работали вместе, в одной риелторской конторе, только мама специализировалась на загородной недвижимости, а папа — на городской. Рабочий день у них был ненормированный, вечером они частенько задерживались до двенадцати, а в любой выходной могли сорваться по первому звонку. Так что свою учительницу по математике я видела гораздо чаще.

С их уходом в квартире мгновенно повисла неуютная, давящая тишина, а серый полумрак сумерек зловеще пополз по углам. И мне тут же стало не по себе.

Я давно научилась отгораживаться от всего на свете — малейшего душевного смятения, застревающих в горле

эмоций, болезненных и беспокойных мыслей, но перестать бояться темноты не могла никак.

Это было с самого детства. Особенно когда я одна. А одна я почти всегда. Так что стоило подняться и включить свет.

А что, если Кристина не шутила? А что, если все по-настоящему? В таких ситуациях люди бросаются звонить или писать своим друзьям, просить совета или жаловаться. Но у меня не было никого, с кем можно поделиться таким секретом. Раньше был один друг, но потом сплыл.

Где-то откопала телефон Герасимова:

— Привет! Говорить можешь?

— Ну, так, — не слишком довольно откликнулся Герасимов.

— Ты видел ролик Ворожцовой?

— Ну.

— И что думаешь?

— Без понятия. Я грохнул эту гадость.

— Слушай, Герасимов, тебе реально все по фигуре?

— А в чем проблема? Я и знать-то ее не знаю, и ничего такого не делал.

— Я тоже не делала. Но она нас назвала.

— Сказал же, не знаю.

— Ладно. Пока.

— Пока, — послушно отозвался Герасимов.

С Герасимовым я училась с первого класса, и он всегда был мрачный, молчаливый и замкнутый. Говорили, что отец бьет его за все подряд. Но я в это не сильно верила, потому что в наше время детей уже никто так не воспитывает.

Как-то раз, вроде классе в седьмом, мама случайно увидела нашу общую классную фотографию и сразу ткнула пальцем в Герасимова:

— Вот, этот у вас самый симпатичный парень.

Мама как в первом классе не знала, с кем я учусь, так и до сих пор не знает. Кроме Павлика Подольского, конечно. Но Герасимов ей тогда приглянулся и запомнился, поэтому теперь, когда она делала вялые попытки поговорить со мной о школе, обязательно приплетала Герасимова.

«А тот высокий парень с голубыми глазами, он какую оценку получил?», или: «А тот симпатичный серьезный мальчик, он тоже едет на экскурсию?», или даже так: «Тоня, почему ты ни с кем не встречаешься? Я в твоём возрасте уже была по уши влюблена в папу. Не хочешь приглядеться к тому однокласснику?»

Она и запомнить-то не могла, что он Герасимов, а все равно повсюду его пихала, точно единственную особь мужского пола во всем районе.

В общем, пришлось залезть на страницу в ВК к Сёминной (правда, на фотке была не сама Настя, а Мэй из «Иной» — девочка, прячущая под черной повязкой свой искусственный кукольный глаз, которым она видела мертвых) и написать ей сообщение: «Привет. Я получила письмо Кристины Ворожцовой. Что это?»

Затем нашла страницу Маркова и отправила ему такое же послание.

Раньше, из-за одной дурацкой истории, произошедшей в седьмом классе, я на дух не переносила Маркова. В моих глазах он был главным школьным злодеем, с вредным ботанским доставучим характером. Но потом, после того как я решила не беспокоиться по пустякам, Марков превратился в просто Маркова.

Третье января, кругом веселье и движуха, а у меня — тишина и белое мерцание экрана. Встала и побежала включать везде свет. Надо же, чуть не провалилась в крошечную темноту и не впустила своих ночных призраков.

Попробовала вспомнить все, что знала о Кристине Ворожцовой.

Мы познакомились еще в началке, вместе ходили в студию балльных танцев, какие обычно бывают при школах. Ее водила бабушка: кругленькая, улыбчивая и заботливая. Мне всегда хотелось иметь такую бабушку. Она наверняка пекла пирожки, вязала, читала Кристине на ночь книжки и варила настоящие супы.

Своих же бабушек я почти не знала. Одна — Лиза — иногда приезжала из Питера к нам на дачу, в Тверь. А вторая — Елена, мамина мама, — жила в Германии и никогда меня не видела, только регулярно присылала деньги на подарки, которые я ни разу не потратила.

Чуть позже, когда я была классе в шестом, мы переселись с Ворожцовой на постановке общешкольного спектакля «Снежная королева» по Шварцу. Она, естественно, была Гердой, ей всегда давали такие роли, а мы с Павликом — Вороном и Вороной. И до одури репетировали нашу общую сцену. Как сейчас помню:

«Ворон и Ворона. Все пугались, входя во дворец. Но один мальчик ни капельки не испугался.

Герда. И это был Кей?

Ворон. Да, это был он.

Ворона. Все другие молчали от страха, как рыбы, а он так разумно разговаривал с принцессой!

Герда. Еще бы! Он очень умный! Он знает сложение, вычитание, умножение, деление и даже дроби!

Ворона. А вдруг Кей не захочет с вами разговаривать?

Герда. Захочет. Я уговорю его.

Ворона. А вы не побойтесь ночью пробраться во дворец?

Герда. Нет!

Ворона. В таком случае — вперед!

Ворон. Ур-ра! Ур-ра! Верность, храбрость, дружба...

Ворона. ...разрушат все преграды. Ур-ра! Ур-ра! Ур-ра!»

То было время, когда все казалось простым и легким. Я тогда еще не знала, что к людям нельзя привязываться, а Кристина не одевалась как дитя тьмы. И мы не то чтобы подружились, но нам точно было весело. А после того спектакля и не сталкивались почти. В чем же теперь она могла меня упрекнуть?

Пока я размышляла, пришло сообщение от Маркова:

«Привет. Если ты не в курсе, все хреново. Ворожцова нажралась таблеток и теперь отдыхает в коме».

Марков — настоящая язва и заучка. Но не какой-то там слабохарактерный беззащитный ботаник, а вредный наезжалистый хам. Он постоянно лез во все со своим исключительным мнением, комментировал чужие ответы на уроках и прикалывался над ошибками. Стоило кому-то сказать «сила тяжести бруска», так он тут же влезал — «сила тяжести, действующая на брусок».

Пару раз парни собирались надавать ему по морде, но в итоге решили не связываться из-за придурочного, как и сам Марков, папаши.

Сейчас же своим сообщением он реально меня ошарашил.

«Осеева:

Неужели мы правда имеем к этому отношение?

Марков:

Слушай, Осеева, зачем тебе это нужно? Ты не знаешь, в чем проблема, я не знаю. Кристина жива, все нормально.

Осеева:

Как это НОРМАЛЬНО? Человек оставляет предсмертный ролик, в котором заявляет, что скотина Осеева испоганила ей жизнь. ЭТО КАПЕЦ КАК НЕНОРМАЛЬНО!

Марков:

Во-первых, не ори! А во-вторых, ты должна гордиться, что она думала о тебе перед смертью».

Хотелось написать что-то оскорбительное, но связываться с Марковым было бессмысленно.

Тогда скрепя сердце я все же достала из кармана вечернего, ни разу не надеванного платья клочок клетчатой бумаги с номером Якушина и минут десять сидела над ним, гипнотизируя.

Я никогда не звонила Якушину, да и разговаривала с ним всего пару раз в жизни. И оба раза это было мучительно. Ведь он мне тогда жутко нравился. Он был в десятом, а я — в восьмом. Всего два года назад, а казалось, прошла целая вечность. Павлик раздобыл мне тогда его телефон, он был в курсе.

Но я не стала звонить. Не потому, что несмелая, просто хотела, чтобы Якушин сам обратил на меня внимание. Но он не обратил, а неожиданно ушел в начале одиннадцатого класса из школы в медицинский колледж.

С тех пор уже много воды утекло, и сейчас у меня была действительно важная причина, за которой не скрывались никакие чувства или тайный смысл.

На одиннадцатой минуте бессмысленных терзаний я все-таки нажала на кнопку вызова, в глубине души надеясь, что номер недействителен. Но абонент оказался доступен и даже ответил после второго гудка.

— Саша, привет. Меня зовут Тоня Осеева. Мы раньше учились в одной школе. Я насчет Кристины Ворожцовой. Ты же понимаешь, да? — на одном дыхании выпалила я.

— Привет! — доброжелательно откликнулся Якушин. — Понимаю.

— Мы с Кристиной почти не общались. Правда. Она, наверное, что-то перепутала.

— Если честно, я сейчас дома, и мне не очень удобно это обсуждать.

К тому, что он не захочет со мной разговаривать, я была готова, но Якушин, немного помолчав, вдруг спросил:

- Ты сейчас что делаешь?
- Ничего. Просто.
- Ты, вообще, где живешь?
- Возле поликлиники.

— А я за зеленой высоткой. Давай заскочу минут через пятнадцать. А то у меня в семь брат приедет, и мама сказала обязательно быть.

Пробормотав на автомате адрес, я отключила телефон и остолбенела от того, что произошло. Я не только сама позвонила Якушину, он еще и в гости придет. А у меня даже к чаю ничего нет.